

О мужестве и любви

размышляет в своих книгах писатель А. Лиханов

Лиханов убежден: в сложных ситуациях полнее раскрываются характеры, резко определяется жизненная позиция, активнее формируются гражданские качества.

В центре новых повестей Лиханова «Голгофа» и «Благие намерения» — судьбы сорокалетнего солдата Великой Отечественной войны Алексея Прякина и молодой учительницы 70-х годов Нади, Надежды Георгиевны. Совсем несхожи во внешних характеристиках, судьбы эти, однако, обнаруживают несомненное родство в глубинной сути.

Тема детства входит в повесть Лиханова и как важная сторона жизни (семья, ученики), и как своего рода нравственный камертон, по которому выверяется подлинность и ценность всего, что происходит со взрослыми персонажами.

Алексей Прякин в самые страшные дни свои, когда тело его невыносимо болит, израненное фашистскими осколками, но еще сильнее болит душа, пораженная мукой непоправимой беды, единственным виновником которой Прякин себя считает (под колесами его грузовичка погибает двоюродный брат, мать троих девочек), — в эти страшные дни за жалкие, почти не имеющие реальной силы рубли крутит Алексей карусель на базаре. И это кручение карусели изнемогающим от физического и душевного страдания Прякиным под разудалую гармошку вчерашнего героя-танкиста, слепого, чудом живущего с осколком в сердце инвалида Анатолия на первый взгляд могло бы показаться жестом последнего отчаяния, если бы не одно существеннейшее обстоятельство.

На карусели в эту годину народных слез и страданий катаются детишки, худенькие, бледные от постоянного недоедания, от бремени детских забот и невозвратных потерь. И звонкий детский смех — лучшая награда Алексею и Анатолию за их, казалось бы, ненужный для войны труд. Ведь загорающаяся в серьезных ребячьих глазах, словно из довоенных времен возвращающаяся радость помогает детям победить голод, сиротство, а кому-то и попросту выжить.

Любовь к маленькому человеческому существу — это основополагающее гуманистическое чувство — всегда выступает у Лиханова мерилom достоинства и чести взросло-

го. Известный афоризм в устах писателя звучал бы примерно так: скажи мне, как ты относишься к детям, и я скажу, кто ты. В «Голгофе» мудрой любви и беззаветной преданности детству исполнены и убежденная, что «мир держится на прощении» тетья Груня, и мечтающий о времени, «когда все люди станут жить достойно...» Анатолий, и жена его Нюра, и солдатки-колхозницы в таежной деревне.

Прякин изменил бы себе, если бы отвернулся от младенца, которого родила непутевая, не раз бросавшая его, невеста где искавшая счастья и сама по себе едва ли достойная прощения Зинаида. Она-то, возможно, и заслужила кару одиночеством. Но явленный в мир высшим законом природы маленький человек не только не несет ответственности за людей, призванных его к жизни. Он сам взывает их к небывалой ответственности: за будущее мира, за судьбы человечества. Вот почему он не может быть наказанием взрослому.

Автор «Голгофы» заставляет нас остро почувствовать актуальность проблем, волнующих человечество не первое тысячелетие. Важно, что вместе с его героями мы ищем ответ в жизни: в сопереживании выпадающим на их долю страданиям и великому мужеству, с каким они это страдание преодолевают, в душевном отклике на их любовь к ближнему и на их веру в добро.

Проходит свой путь испытаний и наша молодая современница, выпускница педагогического института Надя, поехавшая из областного центра по распределению в маленький северный городок, назначенная воспитательницей в школу-интернат и решающая остаться здесь навсегда. Сколь ни велика психологическая дистанция между переживаниями и сомнениями Нади и душевными муками Алексея Прякина, близость этих характеров не вызывает сомнений. Оба принимают на свою совесть и ответственность за ошибки, и зло, сотворенные другими. Оба, не помышляя о личных выгодах, беззаветно и жертвенно спешат со своим теплом, любовью, служением туда, где их чуткое сердце ощущает дефицит тепла и любви. В первую очередь к тем, кто от природы более

других нуждается в заботе, доброй опеке, защите, — к детям. К детям, которым доброта взрослых особенно необходима: к сиротам. По сути, обе повести говорят о борьбе их взрослых персонажей за справедливость, о преодолении, быть может, самой жестокой и обидной несправедливости: сиротства.

Вот отчето так ненавистна героям Лиханова война. Она обрекает маленького человека на сиротство, грозит лишить его настоящего, а весь мир — будущего. Тем более не может смириться героиня «Благих намерений» с неизбежностью сиротства в мирное время. «Благие намерения» написаны как бы в форме Надиной исповеди, обстоятельного рассказа о первых месяцах ее педагогической работы. Есть здесь, однако, важная подробность: героиня припоминает первые самостоятельные шаги в школе не по горячим следам, а с интервалом в десятилетие. О наивной, увлекающейся, плохо разбирающейся в людях двадцатидвухлетней девушке рассказывает тридцатидвухлетняя женщина.

Эта рассказ об уроках, которые преподали Наде жизнь и окружающие ее люди. В первую очередь об уроках ничем не ограниченной доброты и служения детям, какими являлись каждый день жизни директора детского дома Натальи Ивановны Мартыновой (ее девиз: «С ними... сердца жалеть нельзя... Тебя не хватает, а ты люби, все равно люби...»), директора школы-интерната Аполлона Аполлинарьевича («Нет человека, которого учитель мог бы — даже мысленно! — не любить», — считает он), многодетных супругов Поварешкиных («Детишек жалко... Что же мы еще одного мальчуга не обогреем?» — объясняет Анна Петровна свое и мужа желание брать в семью на выходные ребенка-детдомовца), Надиной квартирохозяйки Лепестиньи («Ведь я тоже детдомовка», — говорит она), ветерана войны Парамонова и многих других советских людей. Им и в гололе не придет приноравливать силу сердечной отзывчивости к размерам детской беды или подчинять ее доводам рассудка, подказывающего, что «излишнее добро вредит», ибо «избыток любви человек начинает считать нормой, естественным состоянием». Надя

сама не однажды убедится, что безоглядная доброта и любовь чреватые порой и разочарованиями, могут отозваться черствым эгоизмом, неблагодарностью. Тем не менее именно людям, в чьих сердцах горит огонь Корчака и Сухомлинского, отданы Надины, авторские, а стало быть, и читательские симпатии.

В разных жизненных ситуациях люди поворачиваются к Наде разными гранями своего существа. Обаятельный, увлеченный газетной работой, смелый и решительный в поступках начинающий журналист Виктор. Завуч школы-интерната Елена Евгеньевна, охлаждающая романтический Надин пыл своим неизменным скептицизмом. Излучающая довольство и доброжелательность спортивно-великолепная чета Запорожцев: он — начальник конструкторского бюро, она — заведующая лабораторией в научно-исследовательском институте. Жалкая, опустившаяся любительница легкой жизни Невзорова... Старая истина: люди не столь просты, как представляются с первого взгляда. В повести Лиханова очевидность этой истины доказывается в конечном счете детьми.

И беда Виктора вовсе не в его наивной попытке оправдать свою человеческую раздробленность, половинчатость эпохой «совмещенных страстей». Беда в том, что все его «страсти» совмещаются внутри него, обращены на себя и к себе. В погоне за счастьем он стремится в большой город. Очень уж бедное, несерьезное представление у него о счастье, если не остается там места для большой любви, для идеи более высокой, чем преуспеяние на служебном поприще.

Жалкими оказываются и благополучные Запорожцы с их «Жигулями» и возможностью вмиг и без ущерба для своего благополучия, словно по мановению волшебной палочки, одарить Аллу Ощепкову красивыми и яркими одежками. Отдать кусок от пирога, который сам не в силах съесть, — такая в этом доблесть? А если при этом свой комфорт дороже чужой жизни, то благотворительная щедрость становится обманом и предательством. Суть его Алла, не ведая о том, выявила своим детским протестом: ядовитым синтетическим ды-

мом истаяли шубка и прочие дары Запорожцев на кафельном полу интернатской уборной. Прах, он прах и есть. Рассказ о событии, описание, сообщение занимают в книгах Лиханова сравнительно мало места. В них преобладают характеристики душевных состояний, диалог и внутренний монолог персонажей. Может даже показаться, будто персонажи чересчур много рассуждают и философствуют. Будто в книгах писателя избыток напрямую сформулированных житейских сентенций, моральных выводов, афоризмов, публицистических обращений к читателям.

«Плакать от собственной боли нетрудно. Трудней плакать от боли чужой».

«Я верю, что сострадание — в человеческой природе».

Цитировать можно и дальше. Разные персонажи. Разные произведения. В том числе и книги писательской публицистики — «Конспект судьбы», «Времена жизни». Но всюду мысль читателя с постоянством магнитной стрелки компаса обращается к вопросам самым главным, самым кардинальным. И потому, что рассуждения эти не плод холодного мудствования, а следствие жгучей страсти и действительной боли художника, его настоячивого нравственного поиска, они несколько не отяжеляют прозу Лиханова. Они органичны для этой прозы. Более того, составляют едва ли не главный секрет ее популярности.

Считается, что Лиханов — писатель для подростков и юношества. Не буду оспаривать это определение по существу, тем более, что «Чистые камушки», «Мой генерал», «Музыка», «Деревянные кони», «Звезды в сентябре» и многие другие книги писателя адресованы юному читателю. И все же произведения Лиханова, пишет ли он о взрослых или о детях, ничуть не напоминают тех детских и юношеских книжек, что нужны растущему человеку лишь в течение определенного недолгого срока. В его книгах жизнь всегда предстает в единстве и цельности, в связи сегодняшнего человека с прошлым и с будущим, которые нагляднее всего выявляют себя в современном существовании трех поколений, в наших корнях и в нашей смене.

Игорь МОТЯШОВ.